

брат. То, что человек об этом не знает, следует исключительно и единственно из того, что он еще вполне не оставил, лишь ради Бога и ради благостыни, отца и мать, сестру и брата, а также все вещи. Как же тот ради Бога оставил отца и мать, сестру и брата, кто еще на земле обретает их в сердце своем, кто еще печалится и размышляет и глядит на то, что не является Богом? Как же тот ради Бога оставил все вещи, кто еще на всякие блага взирает и смотрит? Святой Августин говорит: убери благо это и то, и останется чистая благость сама по себе, в своей вольной дали парящая, — это есть Бог⁹⁰¹. Ведь, как я выше сказал, то или иное благо к благости ничего не прибавит, но спрячет и сокроет в нас благостыню. Уразумеет сие и постигнет, кто на это в истине взирает и смотрит, ибо это истинно в истине; а потому это следует в ней постигать и больше нигде. Впрочем, следует знать, что обладание добродетелью, как и воля к страданию, имеет разную степень, как мы видим и в естественном мире, когда один человек больше другого и лицом, обликом, знанием, искусствами краше. Точно так же я говорю, что благой человек вполне может быть благим человеком и тем не менее тронутым и сильней или слабее колеблемым природной любовью к отцу, матери, сестре, брату и все-таки не отпавшим от Бога и благостыни. И такой человек пребывает хорошим и лучшим в соответствии с тем, как он, меньше или больше, утешается и задевается и исполняется природной любовью и склонностью к отцу и матери, сестре и брату и к себе самому.

И опять-таки, как я выше здесь написал: если бы сумел человек принять в Божественной воле, поскольку она — воля Божья, то, что людская природа имеет язву исключительно по справедливости Божией из-за грехов первого человека, и если бы он захотел добровольно от этого в Божественной воле отречься, чтобы этого не было, тогда обрел бы он благо и непременно утешился в горе. Сие имеет в виду святой Иоанн, когда говорит, что истинный «свет во тьме светит»⁹⁰². А Павел святой говорит, что «добродетель совершается в немощи»⁹⁰³. Сумей вор подлинно, полно, чисто, охотно, добровольно и радостно претерпеть смерть из любви к справедливости Божией, в которой и в соответствии с которой Бог и Его справедливость желает, чтобы злодей был убит, тогда он спасется и во-истину станет блаженным.

И еще одна есть отрада: едва ли ты не сможешь найти человека, кто не любил бы кого-нибудь так, чтобы ему не захотеть добровольно на год отказаться от глаза или слепым стать, если потом он сумеет свой глаз опять получить и спасти своего друга от смерти. Тогда, если человек захочет на год отказаться от глаза ради спасения того, кто все же через несколько лет должен погибнуть, то ему по справедливости следует добровольно отречься от десяти или двадцати или от тридцати лет, которые он, может статься, еще сумел бы прожить, дабы ему себя самого навечно сделать блаженным и вечно на Бога взирать в Его Божественном свете и в Боге на себя самого и на всякую тварь.

Вот отрада другая: благой человек, — поскольку он благ и рожден только от благости и является образом благостыни, — все тварное для него, то или это, невыносимо, горькое горе и мука⁹⁰⁴. А потому сие потерять, значит, потерять и утратить горе, страдание и муку. А горя лишиться - не это ли настоящая радость? Поэтому человеку не надо сетовать на потерю. Гораздо больше ему сетовать надо на то, что ему неведома радость, что радость его не способна обрадовать, как сладкое вино невкусно больному. Ему подобает печалиться, как я выше писал, что он не полностью от творений разоблачился и не облекся со всем своим в благостыню.

А еще человеку в горе своем стоит подумать о том, что Бог истину говорит и в Себе, в Истине,